

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

**ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC
RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

Materials of the V international scientific conference
on September 28–29, 2017

Prague
2017

Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization: materials of the V international scientific conference on September 28–29, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 56 p. – ISBN 978-80-7526-223-3

ORGANISING COMMITTEE:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian State University.

Nara R. Akopyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of social psychology of the International Scientific-Educational Center of NAS RA.

Suren G. Oganesyan, doctor of philosophical sciences, head of the philosophy department at Russian-Armenian University.

Valeriy G. Sidorov, doctor of philosophy, professor, head of the philosophy department in the Kuban State University, honorary worker of higher professional education, honored science worker of Kuban.

Leonid V. Karnaushenko, doctor of historical sciences, head of the philosophy and sociology department in the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Lyudmila N. Ozhigova, doctor of psychological sciences, professor of the general psychology department at Kuban State University.

Oganes L. Sarkisyan, candidate of philosophical sciences, head of the politology department at Russian-Armenian University.

Oksana R. Tuchina, candidate of psychological sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Ivan A. Apollonov, candidate of philosophical sciences, assistant professor of the philosophy department at Kuban State Technological University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Some articles deal with ethnic identity as an interdisciplinary research subject. A number of articles are covered problem of ethnic identification in multicultural space. Some articles are devoted to development of ethnic and personal identity in the context of intercultural exchange. Authors are also interested in ecology of culture and problem of ethno-cultural identity.

UDC 316.3

ISBN 978-80-7526-223-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.
© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. PERSONAL IDENTITY IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Акимова М. А.

Проблемно-ориентированный анализ практик обращения
к тематике идентичности (опыт обобщения результатов анализа)5

II. ETHNIC IDENTITY AS AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT

Goncharov V. N.

Ethnic Russian identity in the context of interethnic tolerance..... 10

Kolossova O. Yu.

Ethnocultural identity: essence research problem..... 13

III. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY

Тлехатук С. А.

Характерные особенности региональной правовой идентичности
молодежи 17

IV. PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION IN MULTICULTURAL SPACE

Литвин Ю. В.

Этническая идентичность карелов: к вопросу об историко-культурных
ориентирах и этнических границах 22

Рыбаков А. В.

Полиидентичность: реалии глобального общества 29

Соколовский К. Г.

Религиозная принадлежность и этническая идентификация
в современном Казахстане 33

V. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY

Мухаметдинова А. Х., Недобежкин С. В.

Региональная идентичность Бугульминского уезда в XVIII веке 36

VI. ADAPTATION OF MIGRANTS AS THE MECHANISM OF REDEVELOPMENT OF THE IDENTITY

Абдель Джалиль Н. А.

Социальная и этническая идентичность в условиях адаптации мигрантов39

VII. ECOLOGY OF CULTURE AND PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY

Шитикова И. Б.

Экология культуры и дизайн-образование43

VIII. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE

Перфильева И. Д.

Изучение культуры бурятского народа46

Писарева Е. В.

Развитие этнической и личностной идентичности современного школьника путем формирования навыков межкультурного взаимодействия в школе-интернате49

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2017 году52

Информация о научных журналах 53

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 54

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 55

I. PERSONAL IDENTITY IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT

ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМАТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА)

М. А. Акимова

*Аспирант,
Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

Summary. In this article, the author attempts to problem-oriented analysis of practices appeal to identity issues. The author draws attention to the excessive "psychologization" theme of identity in the current scientific discourse, emphasizing that anthropology never came down, and should not be limited exclusively to psychology. It is concluded that based on the analysis of current practices of usage, the concept of "identity" is not yet fully opened its heuristic potential, on the understanding that "what is man?". In the field of contemporary anthropology, when referring to the theme of identity, especially in the context of a multidisciplinary approach, the author considers it appropriate to start from the experience of the philosophy of identity or unity as the primary source in the development of this problem.

Keywords: human, identity; "co-existence"; being; thinking; personality.

Проблематика идентичности как самостоятельная тема философского познания человека в истории философии сравнительно явно прослеживается уже с работ Д. Локка («Опыт о человеческом разумении» [4]) и Д. Юма («Трактат о человеческой природе» [10]). А вот становление проблематики идентичности как специфической темы гуманитарно-научного познания вообще, традиционно принято связывать с работами американского психолога Эрика Эриксона. Показательным, в этой связи, представляется высказывание редактора и автора предисловия к книге «Идентичность: юность и кризис» [9] А. В. Толстых, который, характеризуя вклад Эриксона в мировую психологию, отмечает: «мы говорим «Эриксон» – слышится «идентичность»» [9]. Примечательно, что в несколько перефразированной форме (мы говорим «идентичность» – слышится «Эриксон»), но по сути то же выражение, наиболее удачно (кратко и ёмко) характеризует общую картину в сфере того, что в настоящее время говорится и пишется об «идентичности». В известной степени утрируя суть доминирующей парадигмы в этой области человекознания можно выразить ещё одним парафразами того же А. В. Толстых: «Идентичность, просто говоря, – это тождественность человека самому себе» [9], иными словами, самотождественность.

При проблемно-ориентированном анализе русскоязычной части актуального на сегодняшний день научного дискурса по «идентичности» первое, что обращает на себя внимание, так это чрезмерная «психологизация» (как тенденция выхолащивания непосредственно не связанных с психологическими учениями знаний) данной тематики. Конечно, само по себе расширение сферы влияния психологического подхода в разрешении фундаментальных вопросов познания человека не есть проблема, но не стоит забывать, что человекознание никогда не сводилось и не должно сводиться исключительно к психологии [3, с. 159]. Человекознание – это и наука в целом, и философия, и литература, и искусство, и религия. И в этой связи стоит заметить тот факт, что сам Эриксон прямо указывал на то, что основные термины его теории («идентичность» и «кризис идентичности») изначально имели именно клиническое происхождение, а их значение определялось исключительно патологическим аспектом, рассматриваемых им проблем. То есть «идентичность» в эриксоновском варианте – это узкоспециализированное операциональное (рабочее) понятие, а вовсе не фундаментальная философская категория, которую без какой либо дополнительной рефлексии можно было бы взять за основу неких новых концепций. Поэтому, на наш взгляд, относительно человекознания в целом категория «идентичность», по сути, ещё остаётся предпосылкой, которая сама должна быть подвергнута критическому рассмотрению, прежде чем использоваться для объяснения человеческой природы.

Закономерно, что в сложившейся ситуации наиболее востребована предикативная функция понятия, когда посредством «идентичности» описывают либо указывают на некие конкретные свойства человека, например, как на атрибут личности. При этом идентичность остаётся лишь дескриптивной характеристикой, не подразумевающей прояснения той организации, которая конституирует саму возможность возникновения личности, как таковой. Фактически мы имеем дело с тем, как на вопрос «личность, она какая?» следует ответ «тождественная самой себе», иначе – та же самая. Тот же Эриксон, к примеру, судя по его работам, воспринимает идентичность как нечто вторичное, производное от личности. Личность, по его мнению, первична и в соответствии с этим представляется как основа идентичности. Очевидно, что подобный взгляд на идентичность никак не проясняет природу самой личности и, следовательно, мало что даёт для понимания сущности человека/человеческого вообще.

Надо думать, и по вышеупомянутым причинам в том числе, устоявшаяся к настоящему времени дискурсивная традиция толкования и применения термина «идентичность» не раз подвергалась критике. Например, в опубликованной в 2000 году статье «За пределами "идентичности"» [11, с. 61–115] Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер прямо указывают на то, что: «Термин "идентичность" крайне (а для аналитического понятия – безнадежно) неясен» [2, с. 74]. Поэтому, считают они: «нынешнее выдающееся

ся положение "идентичности" как категории практики не означает ее необходимости как категории анализа» [2, с. 70] < ... > «не означает, что использование этой идиомы в аналитических целях является необходимым или хотя бы полезным» [2, с. 88].

В этой части сложно не согласиться с выводом Брубейкера и Купера поскольку, как явствует из текста статьи в целом, «бесполезность» «идентичности» утверждается конкретно в отношении социального анализа. Проблема видится в том, что наиболее типичной единицей социального анализа пока ещё остаётся действующий индивид – актер (иначе – субъект, личность), а на этом уровне анализа привлечение «идентичности» как правило, сводится к попытке определить одно непонятное посредством другого непонятого.

В то же время следует признать, что заявление Брубейкера и Купера о том, что понятие «идентичность» из-за его чрезмерной неясности, расщеплённости противоречивыми смыслами и обременённости овеществляющими коннотациями малопригодно для выполнения возлагаемой на него огромной аналитической работы [2, с. 123] никоим образом не способно оправдать всестороннего и полного отказа от использования этого понятия. И в особенности в области философского познания природы «человеческого», поскольку исходя из анализа современных практик словоупотребления, можно предполагать, что концепт «идентичность» ещё не в полной мере раскрыл свой эвристический потенциал, относительно понимания того «что есть человек?».

Из уже существующего массива текстов по проблематике идентичности сложно (если вообще возможно) выделить какой-то единственный, ключевой аспект, который бы полностью обуславливал возникновение критического отношения к их содержанию. Вместе с тем, есть немало оснований полагать, что магистральной предпосылкой к проблематизации современного научного опыта концептуализации «идентичности» выступает именно историко-философский аспект. В этой связи, уместно привести слова В. С. Малахова, отмечавшего, что: «Употребление термина "идентичность" в социально-гуманитарных науках – культурной антропологии, социологии, социальной психологии – долгое время идет по параллельному с философией руслу, с последней практически не пересекаясь» [6, с. 43–53]. Подобное размежевание нередко приводит к тому, что в основу вновь вводимых в научный оборот дефиниций ложится логика, по своей сути не имеющая генетической связи с фиксированным в историко-философской традиции значением и смыслом понятия «идентичность». И в том числе не имеющая необходимой синонимичности с «тождеством», что свидетельствует о некоторой «дефилософизации» «идентичности».

Как результат, выражаясь словами В. Л. Абушенко, понятие «идентичность»: «оказалось не только "вирусом", разрушившим традиционное представление о "тождественном", но и средством максимальной радика-

лизации понятия "самости"» [1, с. 383–388]. Но «самость не есть тождественность» [8, с. 145] следовательно, вслед за П. Рикёром необходимо строго различать идентичность как тождественность (латинское: *idem*; английское: *sameness*; немецкое: *Gleichheit*) и идентичность как самость (латинское: *ipse*; английское: *selfhood*; немецкое: *Selbstheit*).

Сложилась определённая специфика обращения к понятию «идентичность». В научных публикациях она выражается в традиционной уже обязательности детального отражения истории становления понятия и не менее традиционной необязательности соотношения с этой самой историей выносимых на суд общественности суждений и выводов.

В свете вышесказанного надо полагать, что в области современного человекознания, при обращении к теме идентичности, в особенности в контексте междисциплинарного подхода, целесообразно отталкиваться именно от опыта философии тождества или всеединства, как первоисточника в разработке данной проблематики. И думается в данном случае, далеко не на последнем месте по значимости должен стоять парменидовский тезис о тождестве мышления и бытия, который для многих философских систем служит исходным принципом.

Вероятно, подобный вывод представляется не самым очевидным в эпоху «постметафизического» типа философствования и тем более, постфактум радикального парадигматического сдвига от «философии тождества» к «философии различия». Но в данном случае ситуация существенно нивелируется, если иметь в виду мнение Бертрانا Рассела утверждавшего, что: «философские теории, если они значительны, могут, вообще говоря, возрождаться в новой форме после того, как в своем первоначальном варианте они были отброшены. Опровержения редко бывают окончательными; в большинстве случаев они знаменуют собой только начало дальнейших усовершенствований» [7, с. 90]. И к слову сказать, не его одного. Например, можно вспомнить слова Лосева: «Никакая философская идея, вообще говоря, не умирает. И никакую философскую идею, вообще говоря, невозможно опровергнуть. Все великие идеи продолжают жить вечно, в прямом или косвенном смысле. И настоящее опровержение философской идеи есть не уничтожение ее, но выставление еще новой идеи, воспроизводящей еще новую и небывалую категорию из постоянно заново проявляющейся вечной истины» [5, с. 384].

Библиографический список

1. Абушенко В. Л. Идентичность. // История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – 1376 с. – (Мир энциклопедий).
2. Брубейкер, Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. – (Социальная теория).
3. Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. Учеб-

- ное пособие / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012 – 528 с. (Серия «Humanitas»).
4. Локк Джон. Сочинения в 3-х т.: Т. 1/Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; Ред. 1 т., авт. вступит, статьи и примеч. И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. – М.: Мысль, 1985. – 621 стр. (Филос. наследие. Т. 93). – В надзаг.: АН СССР, Ин-т философии.
 5. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / Сост, А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
 6. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1988. № 2.
 7. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
 8. Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века). – 416 с.
 9. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии).
 10. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I/Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Вступ. ст. А. Ф. Грязнова; Примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – 733 с, 1 л. Портр
 11. Rogers Brubaker and Frederick Cooper. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000, 29, pp. 1 – 47, © 2000 Kluwer Academic Publishers. В русскоязычном переводе: Роджерс Брубейкер, Фредерик Купер. За пределами «идентичности» // Ab Imperio, 2002, № 3.

II. ETHNIC IDENTITY AS AN INTERDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT

ETHNIC RUSSIAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC TOLERANCE

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. The ethnic identity influences processes of formation of Russian solidarity. The interethnic tolerance, at the same time, is considered as a link between processes of ethnic mobilization and formation of national and civil Russian identity.

Keywords: society; ethnos; culture; ethnic consciousness; ethnic indifference; national and civil identity.

Modern society in general and education as its component are characterized by the expressed integrative processes [3, p. 80–85]. It forms a basis of association of representatives of different ethnoses and cultures and, at the same time, quite often is a reason of interethnic and inter-confessional intensity [14, p. 39–44].

At the same time it is important to notice that positive ethnic identity gives optimum balance of tolerance in relation to its own and other ethnic groups [13, p. 73–78]. On the one hand, this type of ethnic identity performs as a condition of independence and stable existence of ethnic group, on the other hand – as a condition of peaceful cross-cultural interaction in the multiethnic world, in this case in the polycultural environment of higher education institution [4, p. 118–124].

Destructive tendencies in the interethnic relations are caused by transformations of ethnic consciousness which are shown as hyper identity [6, p. 18–22]. Whereas the hyper identity is of ethnoegoism, ethnoisolationism, ethnofanaticism nature.

Theoretical and methodological basis of the research of ethnic identity offer new conceptual approaches to the analysis of ethnic and ethnoconfessional identity [2, p. 142–145]. Forming national and civil identity of the Russians substantially relies on the ethnic identity which serves as the mobilizing and inspiring beginning for national and civil Russian consolidation [5, p. 139–144]. K. Kalkhun position that the ethnic identity is transmission medium of culture and a basis of action is confirmed by empirical researches which find out that the staticized ethnic identity substantially connects activist social installations.

Common denominator between processes of strengthening of ethnic identity and formation of national and civil and state identity is an installation of interethnic tolerance understood as adoption (in a varying degree) of cultural diversity of social space, refusal of use of violence in settlement of the interethnic and interfaith conflicts and disagreements as interaction on the basis of consent or compromise [16, p. 241].

The ideology of the Russian civic consciousness, effort of elite on formation of making Russian identity shouldn't level ethnocultural distinctions existing in social space of the Russian state and ignore the fact that Russia is a country with the prevailing Russian population. All-Russian representative researches show that the most part of the Russians perceives cultural diversity of Russia doubly, seeing in it both an advantage to its development, and a problem. These researches demonstrate that there is a problem of formation of interethnic tolerance. It should be noted that the tolerance to cultural diversity doesn't mean ethnic indifference. Positive perception of ethnocultural distinctions as a basis of tolerance and national and civil identity happens in the context of awareness of the person his own ethnicity. [11, p. 396–402]. Basis of ethnic identification will be involved in the context of formation of national and civil and state identity, such as language, general historical past, religion, elements of material and spiritual culture [7, p. 123–128] and also patriotic feelings of love to the small homeland and Russia and to faith.

Results of empirical researches allow to be convinced that the staticized ethnic identity and solidarity interfaced to it connected with tolerant installation and public confidence in the government participate in the formation of national and civil identity [15, p. 82–89]. Risks of transformation of ethnic identity on scale of tolerance-intolerance are caused by the fact that social categories such as knowledge elements, thanks to which participation there is a formation and maintenance of ethnic identity, become peculiar for the person, so they actualize ethnic identity and operate its transformations [12, p. 282–284].

The tolerant model of the actualized ethnic identity is characterized by positive sensitivity to social multiculturalism and intra ethnic solidarity, it assumes ability to exist consistently in the pluralistic system of outlooks, to find balance between group (cultural, religious) and the personal rights [9, p. 29–31]. Such ethnic identity doesn't contradict formation of national and civil identity. Under favorable social and economic conditions and equal access for the population to resources it can become a basis for national and civil integration [1, p. 83–86].

Ethnic consciousness of the Russians which is formed on the basis of the actualized ethnic identity and solidarity is broader, than among title people, relies on political categories and is connected with requirements of ethnocultural development in a less degree [8, p. 37–40]. As Russian ethnic consciousness is substantially focused on the state initiatives, orientation of consciousness of the ethnic majority – towards tolerance or intolerance, multicultural orientations or

ethnic domination in many respects depends on state policy and the ideology sounded by the leaders. The Russians as ethnic majority of the Russian state have the necessary potential of positive interethnic and national and civil integration. Practice of formation of the integrating national and civil identity taking into account ethnic together with equal access to resources are effective when ensuring trust of the population to government institution [10, p. 17–20]. Restoration of orthodox identity and growth of influence of church represent the need for restoration of valuable bases of the Russian consciousness and finding the positive consolidating symbols.

Bibliography

1. Бакланов И. С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Джигоева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 4. - С. 17-20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. - 2013. - № 12-2 (39). - С. 396-402.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.

15. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

ETHNOCULTURAL IDENTITY: ESSENCE RESEARCH PROBLEM

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Stavropol branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The complex structure of identity represents three interconnected components: reflexive, emotional and behavioural, forming a steady synchronic horizontal. It is possible to separate them only hypothetically. In reality reflexive processes are always emotionally loaded, and feelings and subconscious instincts tend to rationalization and only taken together define behavioural installations and strategy of members of ethnocultural community.

Keywords: culture; individual; personality; syncretism; cultural syncretism; national identity; civil identity.

Ethnocultural identity is a difficult social and psychological phenomenon which includes:

Firstly, awareness of unity by the individual with ethnonational education (ethnos, nation) on the basis of the divided culture (consciousness) [6, p. 57–58].

Secondly, deep emotional, almost sacral experience of this unity (including emotional memory of people which more often is called mentality). And this is an important circumstance: the identity is in many respects irrational for this reason the interethnic and international conflicts break out so easily and it is so difficult to control them and even more difficult to run them [8, p. 18–22].

Thirdly, ethnocultural identity includes cultural practices of a demonstration of this unity, both individual and collective [4, p. 118–124].

In the structure of ethnocultural identity at this or that stage of sociocultural dynamics it is possible to find several layers occurring at different times forming its diachronic vertical: patrimonial, ethnic and national identity [16, p. 241].

There are bases to claim that the phenomenon of identity was created historically as a result of subconscious aspiration of the person to overcoming a rupture of an initial syncretism, to streamlining of ideas of the world and the place in the world views [12, p. 282–284].

Since that moment as the pre-person has dropped out of the bosom of the natural world, all subsequent history is noted also by an opposite tendency - the

aspiration of the person to overcome this gap and to take new shape of unity with the world around [10, p. 37–40]. These aspirations of the person are reached in the replaced form, by integration into valuable and symbolical space of a society which was at different stages of history kinship, ethnos or the nation.

Thus, the phenomenon of ethnocultural identity in many respects satisfies the most important need of the person is to keep natural communications with the environment [2, p. 142–145]. In a way the ethnocultural identity is a social and psychological mechanism of preservation of syncretism or more precisely, creation of new, artificial, cultural syncretism [13, p. 73–78].

So, ethnocultural identity is a phenomenon with complex internal structure and mobile external borders. Figuratively it can be presented in the form of the turned pyramid which basis is formed by patrimonial identity; the center – ethnic identity (ethnicity) and the top, the widest layer – national identity.

At the same time the allocated layers can be considered as consecutive historical modifications of ethnocultural identity which in the course of historical dynamics didn't deny each other, and developed by the principle of mutually complementarity [5, p. 43–46].

Numerous anthropological researches show that within archaic culture human communities had identity which comprised a considerable ethnocultural resource [11, p. 29–31]. For a reason totemism is the first form of cultural identity fixed in cultural forms of the myth and the ritual. Nevertheless, the cultural features which are rather clearly found from the outside at this stage had no relevance for intra breeding consolidation and identification which basis in archaic social groups was made, of course, by filiation [14, p. 39–44].

While ethnogenesis gave a new historical form of identity – ethnic or ethnicity, real relationship in its structure was gradually replaced by sacral feeling and awareness of unity on the basis of unrelated signs [15, p. 82–89].

At the current importance of the idea of relationship, identification with ethnic group was carried out in the replaced but not its own forms: on the basis of myths about genetic and historical relationship, common language, religion, statehood.

These transformations were fixed, in particular, by means of subject self-indicators which indicated the dominating bases of identity of members of ethnocultural group [9, p. 123–128]. Say if in the archaic tribal communities individuals could appropriate the name of a patrimonial totem, or as in the breeds of the most ancient Slavs – names of legendary or mythical progenitors (for example, vyatichi or radimichi), but in the conditions of ethnic communities the linguistic community could be a basis for self-indicator (on which, for example, self-indicator Slavs is based having the general speech, opposing themselves to all who don't speak it, for example Germans) or confessional (let's say, in Russia self-indicator Orthodox was used for a very long time, pointing to domination of a religious factor in the structure of identity of the personality).

As for national identity, it should be considered, first of all, as a result of political processes which main objective consisted in cultural unification of the cosmopolitan population living in borders of the national states [7, p. 139–144]. Supposedly, this new historical form by definition had to level traditional types of identity, and first of all – ethnic. However in the course of formation of the national states there were not so much different but additional, expanded bases of social consolidation: uniform political nationality, general economic, legal space [3, p. 80–85].

As the result, national identity keeps both relationship paradigm and ethnocultural bases of social consolidation in the structure, refracting them, however, through a prism of the unified civil identity [1, p. 83–86].

Thus, it is possible to record existence of some steady regularities extremely important for understanding of mechanisms of dynamics of ethnocultural identity at the present stage: at each new historical stage there is not a cancellation, but partial transformation, adaptation and synthesis of the traditional and relevant (priority) identification bases. They do not just replace old one, but co-exist, interact, form more complex, hierarchically organized systems. As a result in the asset of identification bases of subjects of national communities there are results of the developed hierarchical vertical. It means that in many cases people live normally and, what is more important, cotemporary in two or several systems of ethnonational coordinates.

Bibliography

1. Бакланов И. С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2009. - № 1. - С. 43-46.
6. Гончаров В. Н. Информационное общество: антропологический аспект // Альманах современной науки и образования. - 2009. - № 1-2. - С. 57-58.
7. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
8. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.

10. Камалова О. Н., Джиоева Д. А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

III. IDENTITY OF THE YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMING SOCIETY

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

С. А. Тлехатук

*Аспирант,
Адыгейский государственный
университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of the institute of regional legal identity of youth, as well as the difficulties that arise in young people in realizing their own opportunities in the sociocultural space. Certain difficulties of a socio-legal nature determine further ways of developing the personality and self-identification of a young citizen. The article suggests options for minimizing risks for a youth group and options for improving the regional legal component of the state.

Keywords: society; youth; family; region; law; legal identity; self-awareness; self-identification.

Современное состояние российского социума находится в прямой зависимости от происходящих, внедряющихся во всех сферы жизнедеятельности общества, изменений и трансформаций привычного устройства и уклада. Особенно остро ощущают всевозможные изменения представители молодежной группы социума ввиду неокрепшего самосознания и незавершенности процессов самоидентификации.

С точки зрения социально-демографического подхода молодежь определяется в качестве социально-демографической, выделяемой в связи с обусловленными, возрастными особенностями, а также социальным положением, интересами и ценностными установками в социокультурной системе общественного устройства [4, с. 267].

В контексте изучения особенностей региональной правовой идентичности молодежи актуально подчеркнуть важность такого понятия как «общероссийская идентичность». Соглашаясь с Ч. Тэйлором, отметим, что, в сегодняшнем демократическом государстве востребованы «нации» с присущей им мощной коллективной идентификацией [5, с. 18].

Сознание нынешней современной молодежи устроено таким образом, что представитель данной социальной группы не желает быть схожим с кем-либо. Данный факт выступает как позитивным, так и негативным моментом. Позитив проявляется в силу то, что молодой представитель социума стремится к созданию себя самого в качестве индивидуально особенной личности. Отрицательная сторона заключается в том, что молодые

люди не приемлют и отвергают социальные роли, которые предлагает им общество, но в то же время, каждый молодой человек возвращается на путь оценки социумом их поведенческих установок и испытывают потребность в данной оценке. Молодое поколение свое полноценное становление осуществляет только лишь при помощи процессов социализации.

Научная литература определяет социализацию процессом, в ходе которого происходит усвоение индивидом конкретной социокультурной системы ценностей, норм поведения, знаний, которые позволяют человеку осуществлять полноценное функционирование в социуме [3, с. 24]. Термин «социализация» несет в себе социокультурные процессы целенаправленного характера, поддающиеся корректировке и направлению в определенное социальное русло в условиях признания той или иной культуры, а так же процессы, являющиеся спонтанными и стихийными.

Принимая во внимание столь обширное употребление понятия социализации, данный феномен до сих пор не истолкован однозначно. Как правило, социализацию признают успешной тогда, когда представитель молодежной среды принимает нужные роли, ценности и нормы социума. Однако, новые условия структуры социокультурного и экономического пространства, зачастую ведут к маргинализации представителей молодежи современного общества. Объясняется это тем, что молодое население, являясь социокультурным субъектом, попадает в маргинальную ситуацию, обусловленную кризисным состоянием в процессе становления идентичности молодого представителя социокультурной общности.

В. А. Луков характеризует освоение социокультурного и жизненного пространств молодых лиц посредством взаимосвязи «дикости» с «инновационностью» [2, с. 210]. Молодежь, как правило, чаще всего не удовлетворена обстановкой социокультурной сферы жизни социума, где не имеют огромных возможностей для эксперимента в жизнедеятельности. В научных кругах бытует тревожное мнение о том, что такого рода инновации имеют шанс преобразоваться в девиантные составляющие мировоззрений молодежи, что, несомненно, отрицательным образом отразится на всей социокультурной сфере.

Неотъемлемым элементом региональной правовой идентификации молодого лица выступает самосознание. Формирование национального самосознания происходит через социокультурную и этническую самоидентификацию народа, а также отождествления народа с историческими особенностями этнической группы и жизнью этноса на протяжении времени. Устойчивое развитие Российской Федерации взаимосвязано с процессом социокультурного становления молодого человека – нового гражданина. Сюда относятся сформированность мировоззренческих взглядов, идеалов и ценностей в параллели с социокультурными трансформациями российского общества и государства. Обеспечение преемственности поколений в русле гармоничного исторического развития; воспитание молодежи в духе

патриотизма; возвращение в умах молодых лиц уважения к праву, демократии, межкультурного взаимоуважения, толерантности – это путь, ведущий к созданию благоприятного социокультурного климата на территории России и каждого, отдельного взятого региона, в частности.

Рассматривая понятие «риска» в молодежной сфере, следует отметить, что под риском понимают род деятельности, связанный с конкретным уровнем неопределенности выбора, а также действиями по преодолению неопределенности вкупе с возможной оценкой вероятного достижения целей и результатов. В «обществе риска» различного рода опасности распределены в зависимости от риска в определенной сфере жизни общества. Постиндустриальное устройство общественной жизни подразумевает бесчисленное множество опасностей, ожидающих молодого гражданина. В этой связи, самоидентификация в пределах определенного региона, а также отнесения собственного «Я» к конкретной региональной группе является неким надежным «щитом», который способен оказать помощь, защитить молодого гражданина, а также приспособиться к невероятно противоречивым условиям мира.

В целях повышения уровня самосознания и патриотизма необходимо разрабатывать все более новые и перспективные программы развития молодежной политики. По мнению Е. В. Шлыковой, основные факторы, способствующие повышению активности молодого населения – это меры социально приемлемого уровня и повышение уровня доверительных отношений между молодежью и органами власти, они также способны повысить общую безопасность региона и улучшить социокультурный «климат» [6, с. 156].

Приоритетным направлением в формировании идентичности молодого населения выступает демократизм в системе воздействия органов государственной власти и всех институтов современного, гражданского общества на процессы «построения» гражданственности в умах молодежи. Российская Федерация приобщилась к процессу общеевропейской политики в области формирования качеств патриотично настроенного, молодого гражданина.

Развитие полноценной государственной политики в области формирования региональной правовой идентичности не мыслится без становления высокой гражданственности в среде молодежи, во внедрении в мировоззренческие взгляды молодежи необходимости активно участвовать в жизни страны и региона, выполнять свои гражданские обязанности. Данная политика способна сыграть немаловажную роль в формировании региональной идентичности и правового сознания молодых лиц, особенно при непосредственном содействии органов государственной власти, органов местного самоуправления, различных общественных организаций.

Процесс формирования региональной правовой идентичности молодежи – сложный и кропотливый процесс, потому требует разработки ряда

новых программ, которые будут активизировать и направлять в позитивное русло потенциал молодого населения нашего государства, что будет отражаться как на расцвете и развитии регионов, так же и на развитии программ поддержания и совершенствования программ развития гражданственности и правового воспитания.

Современный мир является социокультурно вариативным, неопределенным, наполненным противоречиями, отражающимися на процессах самоидентификации социальных групп общества. Заметнее становится исчезновение, либо стирание традиционных социокультурных граней, ценностных установок, способствовавших самоидентификации граждан и нахождению своего собственного места в социокультурном мире. Все это ведет к кризису идентичности, о котором сегодня говорят часто. Данный кризис можно наблюдать не только лишь на уровне правосознания отдельно взятой личности, но, к сожалению, в контексте рассмотрения целых социокультурных поколений.

Как уже было сказано выше, молодежь нуждается в поддержке и содействии зрелого населения, способного прояснить множество противоречивых вопросов поликультурного социального мира. Но как же возможно достигнуть таких результатов, если даже у взрослой категории граждан происходит смывание устоявшихся границ мышления? Данная проблема, являясь глобальной по своим размерам, затрудняет процесс формирования правовой, а особенно, региональной правовой идентичности молодежи.

В контексте рассмотрения особенностей региональной правовой идентичности молодежи актуальным видится изучение проблематики современных молодых семей в России, возникающих трудностей, препятствующих созданию семьи, что, к сожалению, ведет к отрицательным демографическим показателям, которые столь важны для общества и государства. Современные социокультурные и экономические условия государства диктуют молодой семье огромные затруднения в сфере экономических отношений. Низкий уровень доходов молодых лиц зачастую не дает возможности к удовлетворению основных духовных и материальных потребностей.

В научной литературе отмечается характерная особенность современных молодых семей – поляризация в зависимости от уровня достатка, материального благополучия, проявляющаяся еще при зарождении молодой ячейки социума [1, с. 200]. Само собой разумеется, что неблагоприятные в материальной сфере семьи в дальнейшем несут за собой весь груз тягот современного существования, все это отрицательным образом отражается на социокультурном самочувствии молодых супругов. Большинство молодых семей современной России нуждаются в улучшении условий жилищного плана. Низкие заработки влекут неизбежность совместного проживания с родителями. Сравнительный анализ современных реалий и условий советского периода России позволяет утвердить рационализацию

мотивов брака в молодежной среде, связанную с повышением уровня стандартов материального и духовного компонентов жизнедеятельности.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что региональная правовая идентичность молодых лиц социума предстает как многоаспектный и противоречивый институт. Процессы данного нового институционального явления подвержены корректировке и «социологическому редактированию», потому дальнейшее развитие и «судьба» региональной правовой идентичности молодежи находится в руках как отдельно взятого населения и органов власти отдельного субъекта, так и всего российского и мирового сообщества в целом.

Библиографический список

1. Козырева П. М., Лежнина Ю. П. Российская молодежь: семья, брак и сексуальность // Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. редакторы: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. – М. Новый хронограф, 2014. – С. 192–220.
2. Луков В. А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. – 430 с.
3. Резников Е. В. Особенности влияния правовой социализации на процесс формирования правовой идентичности // Общество и право. – 2014. – № 1. – С. 38-40.
4. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 267 с.
5. Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) // Мультикультуризм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Ин-т философии РАН, 2002. – 354 с.
6. Шлыкова Е. Адаптация молодежи к риску: ограниченность ресурсов и протестная активность // Путь науки. – 2016.– № 4. – С.154-157.

IV. PROBLEM OF ETHNIC IDENTIFICATION IN MULTICULTURAL SPACE

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРЕЛОВ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТИРАХ И ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ¹

Ю. В. Литвин

*Кандидат исторических наук,
Институт языка, литературы
и истории Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Россия*

Summary. Karelians lived for a long time having no written language. At the beginning of the 20th century they received the writing system and complex of contradictory images and symbols, including ethnic. The article concerns the elements of Karelians' ethnic identity: such as terms, containing markers of ethnicity, ethno-cultural boundaries defined in the city and village space, and the role of gender in the ethnic identity structure. The empirical base consists of 33 semi-structured interviews with men and women living both in the republican center (Petrozavodsk) and in the “national districts” of Karelia.

Keywords: Karelia; historical-cultural symbols; Karelian' ethnic identity; semi-structured interviews; gender stereotypes.

Известно, что не все факты истории подлежат сохранению. Немецкий культуролог Алейда Ассман исследовала особенности восприятия исторических событий и пришла к выводу о существовании двух крупных структур памяти. Одну из них она назвала «функциональной» памятью, которая отличается жестким отбором событий прошлого и обеспечивает этим событиям место в активной памяти общества, благодаря «канонизации» определенных исторических фактов – к ним постоянно обращаются в поисках новых интерпретаций, прочтений, толкований [1, с. 33–35]. Функциональная память формирует символическую картину прошлого, в котором события или личности наделяются определенным историко-культурным смыслом и могут стать элементом идейной системы общества.

Фиксация воспоминаний и непосредственного опыта на материальных носителях служит предпосылкой и основой культурной памяти. Она не существует без кодифицированных знаков и символов, без оформления в виде текстов и визуальных образов [1, с. 147]. Карельский этнос, существовавший длительное время как бесписьменная культура, в начале XX в.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Идентичность населения пограничного региона: исторический опыт Карелии XX века».

получил свою письменность и комплекс противоречивых образов и символов, имеющих, с одной стороны, связь с Россией, с другой – с Финляндией.

Цель моего исследования заключается в стремлении понять из каких элементов складывается этническая идентичность карелов: в каких терминах маркируется, осмысливается и проговаривается этничность, как очерчиваются этнокультурные границы в пространстве города и деревни, наконец, какую роль играет гендерная составляющая этнической идентичности. Эмпирическую базу составляют 33 полуструктурированных интервью с мужчинами и женщинами, проживающими как в республиканском центре (г. Петрозаводск), так и в национальных районах Карелии.

Выбор методики осуществлялся в соответствии с принципами качественного исследования, которое характеризуется активным взаимодействием интервьюера с представителями изучаемой группы [14, с. 126; 6]. Использование тематического опросника подразумевало наличие определенного сюжета интервью, но не ограничивалось им.

Прежде чем ознакомить читателей с некоторыми выводами, необходимо кратко пояснить особенности географического положения Карелии на исторической и политической карте России. Современная Карелия¹ располагается на Северо-Западе России, западная граница которой прилегает к территории Финляндии. Известно, что «формовка» новых, ярких географических образов ускоренными темпами протекает именно на границах различных культур, в тех пограничных, фронтальных зонах, в которых происходит наложение, смешение культурных ориентиров [5]. В Карелии толчок этому процессу был дан в XIX – начале XX в. – в период поиска финнами национальной идентичности, которое выразилось в движении «панфинизма», направленного на усиление политического и культурного влияния Финляндии в Карелии, с одной стороны, и стремлением России сохранить карелов в пределах своих государственных границ, политических и религиозных интересов – с другой. Особенно успешным было продвижение идеологии панфинизма на северо-западе Карелии из-за языковой близости², торговых и родственных связей. В начале XX в. основной силой в борьбе за «души карелов» являлись религиозные структуры (православные церковные братства и лютеранские миссионерские организации) [2; 3; 11]. Научная и политическая элита не оставалась в стороне. Путешествуя по краю, этнографы отмечали «веселый и легкий нрав» карелов, их «любовь к сказительству»³ и объясняли черты влиянием православного вероисповедания, близостью с русскими [8, с. 315]. В свою очередь финляндские пу-

¹ В состав Карелии до 1917 г. входили бóльшая часть волостей Олонецкой и Кемский уезд Архангельской губерний.

² Собственно-карельский диалект карельского языка имеет много схожих черт с финским языком.

³ В карельских деревнях сохранилась рунопевческая (преимущественно на севере), фольклорная традиции сказительства.

тешественники акцентировали качества, роднившие карел с финнами. Так, карелы, по сравнению с русскими, апатичные, замкнутые, честные, прямые, обладали «чисто финской» медлительностью [16, с. 36]. Яркую характеристику личности карелов в начале XX в. на страницах местного издания оставил Н. Руотси: «С одной стороны, честный, энергичный и выносливый, как и его сосед финн, он в то же время далеко живет последнего. Веселость (черта чисто русская) карелу присуща не менее, чем великороссу» [12, с. 106]. Указанные характеристики сегодня маркируются как этнодифференцирующие признаки. Необходимо подчеркнуть, что они не были связаны с этническим самоопределением карелов, а являлись интеллектуальным конструктом элиты. Однако комплекс черт и свойств «национального» характера стал восприниматься самими карелами как выражение их «сущности» и часть автостереотипных представлений. В советское и постсоветское время мощное воздействие на самовосприятие карелами этнической идентичности и связанных с ней образов оказали и оказывают писатели и поэты: «Карелия в моем представлении. Традиции. Была своя культура жизни, бытия. Понятие слова, трудолюбие, обязательность. Стойкость. Честность. Не было обмана и воровства. Трезвость, законы взаимовыручки, коллективной ответственности. Иначе не могла бы развиваться и сохраниться народная поэзия, руны Калевалы», – писал в воспоминаниях А. Тимомен [4, с. 2]. Из приведенного выше отрывка видно, как символически организуется пространство Карелии, предстающей целой страной («красивая страна вечнозеленых хвойных лесов, тысяч синих озер и рек...»), каким качествам придается значение («трудолюбие», «обязательность», «стойкость», «честность») и как используется фольклор для маркирования этнической границы («народная поэзия, руны Калевалы»). Карельский поэт В. Брендоев также нередко обращается в природе для описания характера карельского этноса. Исследовательница творчества поэта Н.В. Чикина подчеркнула: «Величественная природа постоянно окружает героев Брендоева (...). Именно в такой среде формируется характер народа – молчаливого и трудолюбивого» [15, с. 42]. В художественной литературе черты характера карелов вплетаются и связываются с природными условиями региона. Указанные локальные географические образы формируют связную и подробную картину этнической Карелии и маркируют ее границу. В ходе интервью мои собеседники, знакомые с литературным творчеством карельских писателей и поэтов, особо подчеркивали три качества, присущих, по их мнению, карелам в целом – спокойствие, трудолюбие и чистоплотность. В числе характерных особенностей были также названы упрямство, замкнутость, скромность, честность, гостеприимность.

Исследователи подчеркивают, что у каждой национально-этнической группы имеется свой собственный круг национальных или этнических сообществ, с которыми идет постоянное психологическое сопоставление [13, с. 41]. В рассматриваемой ситуации – это русские и финны. Они предстают

не просто «другими», а «значимыми другими», на фоне образа которых конструируются собственные этнические представления. Вместе с тем одна собеседница указала на различия в характере внутри этнолокальных групп карелов: «Да, немножечко, мне казалось, что южные карелы они немножечко какие-то не такие, северные получше (*смеется*). Спокойнее, сдержаннее северные. Мне так казалось. И немножечко, это вот, женские. Женская половина южных карел, она немножко визглива, криклива. И чуть-чуть как бы это... вульгарна, что ли. Вот... бабское начало сильнее в них такое» (1954 г.р.). Из приведенного отрывка видно, что карелам, проживающим на севере Карелии атрибутируются «финские» качества. Черты характера южных карел феминизируются и наделяются негативными эпитетами.

В рамках статьи важным представляется выявить гендерную составляющую этнической идентичности карелов. Включение в анализ категории гендера является одним из способов осмысления поведенческих ориентиров женщин и мужчин. Несмотря на подвижность гендерных стереотипов, можно говорить о наличии элементов стабильности в ожиданиях и нормах, предъявляемых женщинам и мужчинам. Одним из главнейших предназначений женщины считается реализация репродуктивной функции. В широком смысле, это не только биологическое воспроизводство, но и культурная репродукция. Исследуя образы России сквозь призму гендерных характеристик, О. В. Рябов отмечал, что в символическом пространстве женскому началу атрибутируются неформальность, пассивность, пустота (как безвременье), вечность. Эти «женские» качества противопоставляются «мужскому», оформляющему началу (описываемых в терминах: цивилизация, город, рациональное) [13, с. 23, 47]. Если обратиться к гендерной метафоре, то любое пространство маркируется как женское, бесформенное, ждущее наполнения и последующего ограничивающего, структурирования. О. В. Рябов определяет данный процесс как «этнизация феминного», который накладывает на женщину определенные культурные обязанности по воспроизводству этнической идентичности [13, с. 48]. Попытаемся понять, наделяются ли карельская женщина приведенными выше характеристиками, и вменяется ли ей в обязанность этнокультурная репродукция. В целом, при определении гендерной составляющей в структуре этнической идентичности «национальные» черты карел в целом совпадают с качествами, присущими карельской женщине – сдержанность, замкнутость, трудолюбие. Вместе с тем карелке также атрибутируются опрятность, чистоплотность, бесконфликтность, подчеркивается умение выполнять тяжелую физическую работу. Одна информантка сказала, что карельская женщина – «такая хозяйка». Карелка – хозяйка дома, пространство которого нуждается в поддержании чистоты и порядка. Подобная этнизация феминного закрепляет гендерную маркировку приватной и публичной сфер, определяет локализацию женщин преимущественно в приватной сфере [13, с. 48]. Один из мужчин-карелов четко обозначил эту границу: «В общем-то у ка-

релов принято, что дома хозяйка командует. Жена. Это ейное, хозяйство. Мужик, вроде как, на вторых ролях. А вот что там за избой – это все мужик командует» (1954 г.р.). Вместе с тем картина неоднозначная. Наделение образа карельской женщины физической силой, ее умение выполнять «мужские» виды работы, в том числе, за пределами дома, имеет под собой реальную историческую основу. В Карелии земледелие не покрывало потребностей семьи в хлебе и значительное место занимали неземледельческие занятия, предлагавшие во многих случаях отход мужчин за пределы родной деревни. Расширение потоков трудовой миграции из деревни в город во второй половине XIX в., рост сроков отлучек мужчин приводили к усилению значимости остававшихся дома женщин для поддержания благополучия крестьянского хозяйства. С другой стороны, ускорение темпов развития экономики страны способствовало вовлечению самих женщин в процесс отходничества, участию в мелкой предпринимательской деятельности [9]. Революции, Гражданская и мировые войны усилили экономическую роль женщины в структуре семьи и общества как в Карелии, так и в России в целом. Во время интервью мои собеседники неоднократно говорили, что финансовыми средствами в их семье и семье родителей распоряжаются женщины, а необходимость крупных покупок согласовывалась между мужем и женой. Таким образом, пространство карельской женщины не ограничивается приватной сферой, но подразумевает ее активное участие преимущественно в данной области. Согласно интервью, культурная репродукция не закреплена за женщиной. Передача символически значимых и маркируемых как этнически специфических навыков и ценностей составляла заботу обоих полов и зависела, во-первых, от внутренней потребности в воспроизводстве этих знаний, во-вторых, от уровня самих знаний, компетенции. Проиллюстрируем данный тезис на примере навыков в области приготовления карельских блюд. Безусловно, в традиционной культуре данный опыт передавался от женщины к женщине. Однако в современных семьях этот гендерно специфичный навык в значительной степени нивелировался. Собеседники делились воспоминаниями: «Кстати, я жену научил тоже делать калитки. (...) Ну, у меня не очень получается. У меня получаются рыбники» (мужчина 1954 г.р.); «Вообще, я умею калитки печь, пироги для зятя, сульчинет. Я, может быть, даже не так занималась этим в детстве, сколько потом стала изучать карельский язык, культуру» (женщина 1979 г.р.). При этом наличие опыта приготовления блюд карельской кухни в большей степени зависело не от пола, а от степени близости к традиционному жизненному укладу, к деревне: «Мама калитки не делала (...). Даже бабушка калитки не делала. Делали хорошо там, кто в деревнях продолжали жить», – рассказывал мужчина 1981 г.р. Противопоставление города и деревни сохраняется не только в рассказах о пищевой традиции. Город нередко олицетворяет цивилизацию, русификацию, тогда как деревня представляет собой оплот ценностей, лежащих в основе этнических

традиций карелов. Один из мужчин при описании значимости этнической идентичности подчеркнул: «...я жил в деревне, и я знаю, и видел, и рос и воспитывали меня так, вот в тех нормах... по тем нормам, по тем законам, по которым жили карелы, скажем, в деревне (...). Во-первых, очень не любили вранье. Очень не любили воровство. Такого не было у нас. Если кто-то куда-то уходил, двери практически оставались открытыми, только палочкой подпирали. Всегда приходили на помощь кому-то» (1957 г.р.).

Важнейшим маркером этничности является владение карельским языком. Советская модернизационная и национальная политика, ликвидация «неперспективных» деревень, миграционные волны второй половины XX в. и другие факторы отразились на языковой компетентности. Вместе с тем язык остается одним из наиболее сильных маркеров этнической идентичности. Он является главным этноразличительным признаком, фиксирующим этническую границу. В ходе интервью было выявлено, что в совершенстве владеют языком собеседники из так называемой группы «экспертов»; большинство отметили, что знают язык «хорошо» – могут читать и/или писать, понимают карельскую речь, но сами не говорят. Не владеющие языком карелы испытывали неуверенность, взволнованность, дискомфорт при разговоре об их языковой компетенции: Вопрос: «А Вы? Чувствуете себя карелкой?» Ответ: «Чувствую, неполноценной только (*смеется*)». Вопрос: «Из-за того, что языка не знаете?» Ответ: «Да, конечно» (женщина 1958 г.р.). В других интервью подчеркивалась ценность языка, усвоенного в детстве. Приведем цитату из интервью с этнической активисткой в одной из карельских деревень: «Выученный карельский язык – это не карельский язык. На мой взгляд. Если только заслать на лет 5 (*улыбается*), допустим, этого человека, выучившего карельский язык, в деревню Большие Горы, с бабушкой, которая с ним только по-карельски будет говорить, может быть тогда» (1962 г.р.). Подобный взгляд связан с тем, что усвоенный без усилий язык, принимаемый как данность, создает представление о естественной принадлежности носителя языка к этнической общности. Именно поэтому одна из собеседниц назвала таких карел «истинными». Вместе с тем подобные суждения являются скорее исключением, знание карельского языка не входит в обязательный «набор» карельской идентичности, по крайней мере, в меньшей степени, чем наличие родственных связей в деревне. Один из собеседников, работающий в области национальных СМИ, владеющим финским и карельским языком, признался: «Я сам не могу сейчас найти как бы варианта, где и как использовать карельский язык» (мужчина 1968 г.р.). Эта фраза была произнесена в контексте разговора о проблеме придания карельскому языку статуса государственного и о сомнениях моего собеседника относительно эффективности данной меры в современных условиях. Его сомнения не безосновательны. Исследователями было установлено, что в Карелии в течение 1970–1980-х гг. число карелов, владеющих родным языком, сокращалось в 5 раз

быстрее, чем уменьшалась общая численность карельского населения [7, с. 149]. По данным переписи 2010 г., 37 % карелов владеют родным языком, русским языком владеют почти 100 % карелов [10], что говорит о высокой степени языковой ассимиляции.

Рассмотренные выше элементы этнической идентичности карелов не ограничиваются и не исчерпываются систематизацией. Более того, в каждом интервью содержится свой уникальный набор этнических маркеров, основанный на личном опыте собеседников. В статье представлена лишь часть многогранной структуры этнической идентичности карелов, являющейся основой исторической и культурной памяти этнической группы.

Библиографический список

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М. : НЛО, 2014.
2. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. – СПб. : Норма, 2006.
3. Дубровская Е. Ю. «Финляндский Вавилон» – Северное Приладожье в конце XIX – начале XX веков по материалам русских историко-этнографических источников // Приладожье и Русский север. История, традиции, современность. – М. : Российское гуманистическое общество, 2003.
4. Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен: очерк жизни и творчества. – Петрозаводск : Северное сияние, 2014.
5. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. URL: <https://goo.gl/DPJuJL> (дата обращения: 13.06.2015)
6. Квале С. Исследовательское интервью. – М. : Смысл, 2003.
7. Клементьев Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. – Вып. 3 (№ 4). Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2012.
8. Лескинен М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Одиссей. Человек в истории. – 2009. М.: ИВИ РАН, 2010.
9. Литвин Ю. В. Гендерное распределение трудовых обязанностей в карельской семье в конце XIX – начале XX вв. // Финно-угорский мир. – 2011. – № 1.
10. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) // Федеральная Служба Государственной Статистики По РК (Карелиястат). Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: <https://goo.gl/k3dFqX> (дата обращения: 30.08.2017)
11. Пулькин М.В. Русификация в Карелии – цели, методы, итоги (XIX - начало XX вв.) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского севера. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2003.
12. Руотси Н. Личность карела // Исследования Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1913. – № 3.
13. Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М. : Ладомир, 2001.
14. Сабинская О. Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. – 2007. – № 10.

15. Чикина Н. В. Проблемы карелоязычной литературы и творчество Владимира Брен-
доева: в 2 ч. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. Ч. 1.
16. Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta: Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutki-
mus. University of Joensuu Publications in the Humanities, no. 9. – Joensuu, 1989.

ПОЛИИДЕНТИЧНОСТЬ: РЕАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Рыбаков

*Доктор политических наук, профессор,
Московский авиационный институт,
(Национальный исследовательский
университет),
г. Москва, Россия*

Summary. The article analyzes the crisis of traditional identities under the conditions of globalization. It is shown that in the modern world, polyidentity becomes the dominant identification model

Keywords: identity; transnationality; globalization; multiculturalism

Процесс глобализации имеет наднациональный характер. Одновременно с глобализацией возникает явление, которое можно назвать транснациональностью. Явление это несет надкультурный характер, однако его диапазон характеризуется ограниченным радиусом действия, по сравнению с глобализацией. Глобальные процессы независимы от конкретных национальных территорий, а транснациональность всегда закреплена в каком-то национальном контексте, пространстве. Как глобализация, так и транснациональность в культурном измерении предусматривают отход от традиционного разделения «центр» – «периферия». Происходит детерриториализации культур, и чаще всего, тождество этничности групп находит свое выражение в различных культурных и общественных условиях на новой территории. Появляются своеобразные этно-пейзажи, в которых коллективная идентификация на новой территории насыщается новыми символами и ценностями родной культуры и культуры этно-пейзажей. Все чаще мы можем говорить не столько о диаспорах в том или ином государстве, сколько о «народах за пределами родной земли». Исследователи отражают это в таких темах, как «латинизация» Сан-Франциско, «караибизация» Нью-Йорка или исследования этнических меньшинств турок или поляков в современной Германии и Великобритании.

Дж. Нейсбит прогнозирует один из возможных сценариев дальнейшего развития мира: усиливающая дезинтеграция общества, которая будет происходить параллельно с глобализацией культурно-исторической деятельности, приведет к фактическому исчезновению цивилизаций, национальных государств и созданию глобальных органов управления, с одной

стороны, а с другой – приведет к умножению микроидентичностей, в основе которых будет сетевое мышление [1, с. 271–293].

Таким образом, глобализация внесла значительные коррективы в мировосприятие современного человека, стиль жизни, систему ценностей, осмысление себя и своего места в мире. Демассификация общества, разрушение предыдущих идентичностей требует формирования новых, сопоставимых с глобализационными вызовами. Современная социальная жизнь предоставляет человеку множество статусно-ролевых возможностей, которые он пытается реализовать не только (и не столько!) в сфере трудовой деятельности, но и в частной, повседневной жизни. Попытки их реализации не всегда ведут к появлению новой устойчивой идентичности. Глобализация постоянно вносит свои коррективы в «правила игры», в которых человек не всегда успевает адаптироваться. Не случайно многие индивиды переживают кризис идентичности, свидетельством чего является неврозы, депрессии, деструктивное поведение, отсутствие жизненных планов и тому подобное.

Благодаря полноте своего бытия человек не ограничивает свою идентичность пределами какой-то одной социальной группы, а выступает одновременно членом многих сообществ от сообщества жителей одного дома до группы по интересам, партии, этноса, нации, конфессии, расы, человечества в целом как единого глобального социума. Философия редукционизма (сведения высшего к низшему, сложного к простому), согласно которой одна из наших идентичностей должна доминировать над другими, выступать в качестве единственного критерия для организации общества в группе, противоречит поликультурности современного мира и выступает как насильственное насаждение единой идентичности – и потому идентичности абстрактной, недемократической. Индивидуальными сознаниями все настойчивее овладевает образ «супермаркета идентичностей». Человек не может быть «рабом» сообщества, страны, государства, а заодно и соответствующей культуры. Скажем, национальная идентичность, как и идентичность общечеловеческая, религиозная, этническая и многие другие, – одна из равновесных составляющих человеческой личности в ее гармонии и полноте. Человек как развитая личность свободен выбирать свою идентичность, приобретать ее за счет собственных усилий, конструировать ее как неповторимый образ, единственное в своем роде творение. В условиях поликультурности личность будет с необходимостью сочетать в себе множество идентичностей, каждый раз выступая в новом качестве в разных социальных группах. Как социальный субъект личность не может быть сведена к человеку только как гражданину или избирателю, представителю своей расы, этноса, пола и т. Идентичность оказывается, так сказать, фрактальным феноменом – принадлежность человека к той или иной группе определяется контекстом конкретной проблемной ситуации [2, с. 133].

Весьма рельефно эта характеристика абстрактных идентичностей, согласно которой одна из них должна превалировать над другими, выступать в качестве единственного критерия для организации общества в группе, отражена в высказываниях хорватской писательницы С. Дракулич: «Вместе с миллионами других хорватов меня пригвоздили к стене национальности... война... оставила нам лишь одно измерение – нацию... [хотя] мое мировоззрение сложилось в результате моего образования, работы, идей, характера – и моей национальности также – однако... меня лишили всего этого. Я больше никто, поскольку я больше не индивидуум. Я одна из 4,5 миллиона хорватов» [цит. по 5, с. 37].

Сведение множественности идентичностей в одну или доминирование какой-то одной над другими отражает логику тотальной идеологии. Логика, которая предусматривает многоукладность идентичности, не сужает, а наоборот, расширяет разнообразие составляющих идентичности, пространство культуры. Поэтому необходимо говорить не об унификации идентичностей, а о значительном расширении разнообразия их составляющих в ходе модернизации, а также о выработке их неконфликтного существования в совокупной идентичности современного человека. Только таким образом возможно совмещение императивов модернизации и глобализации с сохранением основ национально-культурной идентичности.

То, что отличает современные демократические общества от их предшественников, заключается не в плюральности как таковой, а в отношении к ней. Если в течение современной эпохи наблюдалась непрерывная тенденция к гомогенизации, нивелированию или даже уничтожению различий, то современность характеризуется не отрицательным, а принципиально положительным отношением к плюральности. Иными словами, в современной ситуации различные гетерогенные формы жизни настолько сближаются и накладываются друг на друга, что плюрализация становится одновременно и фактом повседневного опыта, и тем нормативным горизонтом, который делает мирное сосуществование этих форм. Это означает, что постмодернистская установка пытается решить проблему, которую тянул за собой модерн, путем лишения присущих модерну репрессивных механизмов унификации. Гетерогенность осознается не столько как проблема, сколько как возможность для создания новых форм социальной интеграции.

Человек – существо коллективное, однако глобализированный мир разрушает тягу к коллективизму как родовое свойство индивида. Постоянно растет стремление к индивидуализации личности, она идет от «мы» до личностного «Я». Соответственно человек становится более автономным относительно своей социальной среды, ее предуканий и нормативов, а значит, более независимым от нее. «Супериндустриализм требует создания не стандартного «массового человека», а людей, которые отличаются друг от друга, индивидуумов, а не роботов» [3, с. 241].

Необходимо отметить еще один важный аспект. Глобализация как идеология нового космополитизма как бы противопоставляет национальное государство и права человека. Она подразумевает существование прав и обязанностей, которые предусматривают подчинение им суверенных государств. С развитием глобализационных процессов неolibеральная теория прогнозирует формирование нового типа «гражданина мира», чья лояльность обращена уже не к отдельным государствам, а к внегосударственным структурам. Именно на новом «гражданину мира» и предлагают воинственные глобализаторы сфокусировать всю проблематику прав человека.

Никакая личностная самоидентификация, если, конечно, речь идет о нормальной самоидентификации человека, а не об оторванном от истоков, корней «гражданине мира», является невозможной, немыслимой вне этнокультурной самоидентификации, идентификацией национальной. Без последней, действительно бытийной и многоаспектной (начиная от социокультурной и заканчивая духовной), подразумевающей включенность индивида в родную культуру, язык, традиции, песни, историческую память народа, – ни о какой полноценной самоидентификации личности принципиально не может быть и речи. Этническая сущность человека чаще всего осознается в критические моменты истории, когда в поисках точки опоры в постоянно изменяющемся мире человек находит ее в неизменности своей национальной принадлежности.

Как отмечает С. Хантингтон, «урбанизация и глобализация привели к тому, что люди были просто вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить ее границы, превратить ее в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они похожи и с кем имеют что-то общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождения или история» [4, с. 37]. Таким образом, глобализация усиливает процессы фрагментации, богатство и разнообразие возможностей, самоопределения при отсутствии авторитетов и стандартизированного поведения. Именно таковы грани глобальной идентичности, тогда как на уровне локальной идентичности мы видим унификацию, уменьшение возможностей, веру в авторитеты и доминирование индивидуального опыта.

Библиографический список

1. Нейсбит Дж. Мегатренды (пер. с англ. М.Б. Левина). М.: АСТ; НПП «Ермак». 2003. - 384 с.
2. Толстоухов А. В., Парапан И. Г., Мелков Ю. А. От постдемократии к демократии: назад в будущее // Практическая философия. – 2007. – № 4. - с. 125-139.
3. Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
4. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635, [5] с.

5. Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html>

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

К. Г. Соколовский

*Кандидат юридических наук,
Гуманитарно-техническая академия,
г. Кокшетау, Казахстан*

Summary. The article considers the peculiarities of the system of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan, as well as the influence of faith and religious traditions on the ethnic self-identification of the population.

Keywords: Kazakhstan; Assembly of the people of Kazakhstan; interethnic and interreligious accord; tolerance; state-ethno-confessional policy; secular state.

Не вызывает сомнения, что вопрос этноконфессиональное согласие в Республике Казахстан в целом стабильно. Страной преодолены трудности переходного периода. Они были обусловлены тем, что первые годы обретения независимости оказались периодом ярко выраженных процессов десекуляризации и роста этнического самосознания, ставших причиной межконфессиональной и межнациональной конфликтности на бытовом уровне.

Сложившаяся на тот момент ситуация была в достаточной степени предсказуема, особенно если учитывать, что после обретения суверенитета в 1991 году республика стала одной из поликонфессиональных стран мира. При этом численность государствообразующего этноса – казахов – по данным статистики не превышала 39,7 % [1], тем самым, национальные меньшинства составили подавляющую долю населения.

На сегодняшний день названная конфликтность преодолена. Более того, ключевые этносы – казахи и русские, – как показывают социологические исследования, даже демонстрируют консолидированную тревожность относительно прибывающих на постоянное место жительства в Казахстан мигрантов других национальностей (таджики, узбеки, казахи-репатрианты и др.). Несомненным достижением проводимой Президентом и Правительством политики можно назвать отсутствие значимых открытых конфликтов на этнической либо религиозной основе.

Отечественные исследователи отмечают, что религиозное и национальное возрождение проходят как бы параллельно [2, с. 117], потому не удивительно, что с окончанием эпохи государственного атеизма казахстанцы обратились к тем религиям, которые являются традиционными для их этноса. При этом религиозные обряды воспринимаются не столько вы-

ражением собственно веры, сколько признаком принадлежности к той или иной этнической культуре.

В принципе, подобная модель поведения не нова и была свойственна автохтонам Средней Азии ещё в период СССР, когда следование мусульманским традициям выполняло охранительную функцию от растворения народов в советском *melting pot*. Американский социальный антрополог А. Халид приходит к выводу, что в данном случае общинным сознанием от конкретного человека «не требовалось ни проявления набожности, ни следования религиозным установкам. Ислам стал рассматриваться как неотъемлемая часть национальных традиций и обычаев, отличающих среднеазиатские народы от соседей» [3, с. 323].

Сегодня ситуация иная. Согласно последней переписи населения [4, с. 20], в Казахстане проживают представители 125 национальностей, исповедующие 46 религий, что объективно создаёт предпосылки для размывания этнических черт.

Здесь нельзя не упомянуть результаты проведённого известным казахстанским религиоведом Е. Е. Буровой исследования религиозной конверсии. Она приходит к выводу, что данное явление стало трендом религиозности и «во всех регионах Казахстана выясняется, что в процессы религиозной конверсии вовлекается всё большее число сограждан», в ней участвует порядка 8,5 % взрослого населения [5, с. 110–111].

Социологические опросы показывают, что на сегодняшний день сторонниками ислама называют себя 50,6 % населения, 12,5 % приходится на христиан, 11 % опрошенных называют себя верующими, не отождествляя с той или иной религией [6]. При этом доминирующим мазхабом ислама является ханафитский, а конфессией христианства – православие, хотя в стране представлена широкая палитра практически всех мировых религий, действуют прошедшие в соответствии с Законом РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» процедуры регистрации нетрадиционные религиозные объединения.

Религиозные организации в Казахстане являются важной частью гражданского общества, играют важную роль в стабильном развитии страны, этнической идентификации населения, активно задействуется потенциал религии для достижения мира и взаимопонимания в межнациональных отношениях.

Библиографический список

1. Зимовина Е. П. Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века // Население и общество: Бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2003. - № 103-104.
2. Айталы А. Нация и религия – основы независимости: статьи и интервью. – Алматы: Арыс, 2013. – 328 с.

3. Халид А. Постсоветские судьбы среднеазиатского ислама / В сб. Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. – М.: Новое издательство, 2012. – 450 с.
4. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Аналитический отчёт Агентства Республики Казахстан по статистике / Под ред. Смаилова А. А. – Астана: АстанаБланкИздат, 2011 - 65 с.
5. Бурова Е. Е. Религиозная конверсия как тренд религиозности в Казахстане // Эл-Фараби. Журнал Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. - 2013. - №4(44). - С. 110-118.
6. Канафина М. Х., Никифоров А.В. Этноконфессиональное согласие как фактор стабильного развития Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1479> (дата обращения: 26.09.2017).

V. STATES AND SOCIETIES IN SEARCH OF REGIONAL IDENTITY

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БУГУЛЬМИНСКОГО УЕЗДА В XVIII ВЕКЕ¹

А. Х. Мухаметдинова
С. В. Недобежкин

*Кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Казанский национальный
исследовательский технологический
университет,
Бугульминский филиал, г. Бугульма,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. Among peoples, there is a certain combination of regional and national values. In the Russian identity, there is undoubtedly a regional component, although weaker than other peoples.

Keywords: Regional identity; Bugulma district; insurrection.

Региональная идентичность – это отождествление себя с другими жителями региона на основании общих интересов и признаков, солидарности с земляками по причине совместного проживания с ними в данный момент или в прошлом на одной территории.

Региональная идентичность трактуется в двух дореволюционных традициях. Первая предполагает, что специфической российской чертой, источником которой являлась однородность и однообразие природных условий Русской равнины. А. Д. Градовский, в свою очередь дополняет к ним социально-политические факторы, связанные с монгольским игом, постоянной миграцией служилых людей, борьбой с сепаратизмом и централизацией российского государства [1, с. 446]. Именно в этом аспекте мы и рассмотрим региональную идентичность Бугульминского уезда.

После подавления восстания 1735–1740 годов активизировалась политика христианизации. По Указу от 11 февраля 1736 года было запрещено строительство мечетей, усилен контроль над деятельностью мусульманского духовенства [2, с. 741]. Именно после восстания 1735–1740 годов началась насильственная целенаправленная христианизация Бугульминского края.

¹ Публикация данной статьи осуществлено при финансовой поддержки РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16018 «История Бугульминского уезда в XVIII – нач. XX вв.»

Во избежание новых восстаний существенно ограничивалось местное самоуправление башкир. Наследственных старост заменили назначенными старшинами, установив полный контроль над ними. Были запрещены традиционные йыйыны – народные собрания в волостях и дорогах, за исключением башкирского, который стал проходить лишь под контролем уфимских властей. Буквально новой волной усилился местный произвол властей только теперь с молчаливого разрешения столицы.

Впоследствии этих мер 25 лет не ознаменовались выступлениями башкир, но усиливалось недовольство чиновничьим правлением в Башкирии и Оренбургском крае. Это огромное недовольство вылилось вновь в 1755–1756 годах под руководством мищарского муллы Бахадиршаха Галеевича Алиева по прозвищу Батырша.

Именно Батырша пытался преподнести предпосылки к региональной идентичности всех народов не только башкир, но и татар, и казахов против российского подданства. Под его руководством взбунтовался весь обширный регион в целом и Бугульминский регион в частности.

Батырша начал распространять воззвания к народам. В воззвании Батырша указывал татарам, что они поддались русским и перестали пытаться стать свободными: «оставя правой нашей веры славные и добрые дела, россианам поддались», ставил в пример предков «болгарцев правоверных», которые бесстрашно боролись с «россианами». Такие же воззвания были отправлены и в казахские степи.

Чтобы не упустить вспышку восстания в Казанской губернии, на которую воздействовал Батырша, через Надыровскую волость, 26 сентября издается манифест служилым и ясачным мурзам и татарам Казанской губернии, выступавшим против башкир, было обещано жалованье на 2 месяца вперед [3, л. 289]. Указом № 10469 от 26 сентября 1755 года «О возмущении башкирцев и мерах къ пресечению со стороны их коварных замыслов» им было позволено забирать себе имущество, жен и детей повстанцев, обращать их в рабство и продавать [4, с. 436]. Царизм был вынужден прибегнуть к тем же мерам, которые вполне реализовались в предыдущем восстании.

Попытки Батырши объединить татар, казахов и башкир не привели к положительному результату. Успешное вмешательство Неплюева не дало разгореться восстанию. Батырша был схвачен 8 августа 1756 года и приговорён к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости, где содержался с кандалами на руках и ногах. Он погиб 24 июля 1762 году в схватке, зарубив топором четырех стражников.

Примечательно, что все башкирские восстания никогда не были направлены на отделение от русского государства или на свержение власти. Они всегда считали царскую власть важной и значимой, но постоянно бунтовали против чиновничьего произвола на местах. Именно восстания определяли региональную идентичность народов населявших Россию.

Библиографический список

1. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1-3. – С. 446-453.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 9. – 1830. – С. 741.
3. ГАОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 289.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 14. – 1830. – С. 436.

VI. ADAPTATION OF MIGRANTS AS THE MECHANISM OF REDEVELOPMENT OF THE IDENTITY

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Н. А. Абдель Джалиль

*Аспирант,
Российский университет
дружбы народов,
г. Москва, Россия*

Summary. The article discusses the behavior of migrants and problems associated with their involvement in the social-cultural environment of the host country. Internal and external factors influencing the adaptation of migrants, social-psychological aspects of adaptation are identified social adaptation is analyzed.

Keywords: adaptation; migration; interethnic relations; ethnic identity.

Современные глобализационные процессы, способствующие усилению взаимозависимости стран, обуславливают увеличение потоков международных миграций. Миграционные процессы воздействуют на все стороны общественной жизни [1, с. 185–186].

Одним из признаков социально-экономического и политического развития современного общества является увеличивающийся поток мигрантов и расширяющиеся межэтнические контакты, приводящий к межэтническим конфликтам и угрожающий безопасности и стабильности государства [2, с. 4].

Анализируя процессы миграции и поведение мигрантов, учеными отмечаются проблемы, связанные с включением мигрантов в социокультурную среду принимающей страны. К таким проблемам относятся: трудности взаимодействия с местным населением, жилищно-бытовые сложности, затруднения профессионального характера, формирование негативных психоэмоциональных состояний – стресса, тревожности, агрессивности, обусловленных различными традициями и нормами поведения в силу сложившихся национальных различий. Эти проблемы являются следствием неадаптированности мигрантов к новым для них жизненным обстоятельствам [5, с. 9–10].

Увеличение потока мигрантов в странах ЕС и в России в связи со сложившейся политической ситуацией и вопросы, связанные с адаптационными функциями мигрантов и межкультурным взаимодействием, в настоящее время приобретают особую актуальность.

В большинстве европейских стран под влиянием масштабных миграционных процессов сформировались сообщества с иной от принимающей страны культурой, вероисповеданием и традициями. Появляются новые иммигрантские сообщества транснационального типа, способствующие социальным волнениям, беспорядкам и терактам, активно проявляющимися в Европе в последние годы. Остро встают вопросы вынужденного принятия мер и ужесточения иммиграционного законодательства [4, с. 32–34].

Социальная адаптация мигрантов – деятельность, направленная на регулирование взаимоотношений человека с окружающей средой, изменение среды в целях приспособления ее к интересам жизнедеятельности человека в совершенно новых условиях.

С социальной адаптацией связана адаптация психологическая. Будучи социально обусловленной общественным характером вызывающих ее изменений, психологическая адаптация влияет на эффективность адаптивной деятельности, придает этой деятельности особый подход.

Адаптация протекает относительно легко в том случае, если социальные нормы, предъявляемые личности, во многом не отличаются от освоенных ею ранее. Если нормы и правила существенно отличаются, то процесс адаптации принимает длительный характер и сопровождается психологическим дискомфортом, низкой социальной активностью и нервным напряжением.

В контексте миграционных процессов социальная адаптация предстает как особый тип социального процесса, обращенного на включение в повседневную жизнь общества группы людей, искусственно вырванных из этой жизни в результате определенных чрезвычайных обстоятельств. Сущностью социальной адаптации является изменение привычного образа жизни. Вынужденное переселение – это особый образ жизни, для которого характерны экстремальность ситуации. Все это накладывает существенный отпечаток на структуру личности, ее ценностные ориентации и поведение.

Важным является изучение межкультурной адаптации как сложного процесса, в случае успешного завершения которого человек достигает совместимости с новой культурной средой. Адекватной моделью изучения межкультурной адаптации является модель аккультурации.

Аккультурация – изменения, происходящие в результате продолжительного непосредственного контакта представителей разных этнических культур. В настоящее время этот феномен изучается психологами на личностном уровне и называется психологической аккультурацией, т.е. процессом изменения в психологии человека.

Адаптацию к новой культуре разделяют на два вида: психологическую и социокультурную.

Проблемы адаптации вызваны тем, что находясь в другой этно- и социокультурной среде, мигранты не обрели привычки, нормы общения, типичные модели поведения, характерные для принимающей стороны. Ми-

гранты в стране выбытия выполняли иные социальные роли. Для более успешного процесса адаптации мигранту необходимо решить проблемы культурной и этнической самоидентификации.

С понятием адаптации тесно связан феномен этнической идентичности, потому что миграционное поведение может вызывать нарушение этнической идентификации в иной этнической среде.

Миграция – важный фактор этнополитической стабильности региона. Поликультурные страны представляют собой социальные системы с разной степенью сбалансированности межгруппового взаимодействия. В регионах с длительной историей сосуществования разных этнических культур процессы интеграции будут преобладать над ходом дифференциации. В тех регионах, где поликультурность является результатом относительно недавних миграций разных этнических групп, процессы дифференциации по этническому и религиозному признакам будут преобладать над процедурой интеграции.

Уровень адаптации и интеграции мигрантов зависит от ряда факторов. Очень важным условием успешной адаптации является первоначальная подготовка – благополучнее адаптация проходит у мигрантов, переселяющихся в заранее подготовленное место. Характер адаптации зависит от продолжительности проживания на новом месте. Длительность адаптационного периода может изменяться от 1–2 до 3–5 и более лет. Люди, живущие в данном регионе более 10 лет, осознаются как местное население.

Социально-экономическая адаптация мигрантов имеет этническую специфику. Адаптивное поведение мигрантов, принадлежащих к разным национальностям, различается в образе жизни, особенно оно выражено в способах получения средств к существованию, в бытовых вопросах и духовно-культурной деятельности.

Часто отношения между принимающей стороной и мигрантами имеют достаточные сложности. Отмечается поведение части иноэтничных мигрантов, игнорирующих сложившиеся нормы и традиции поведения в принимающем сообществе. Неготовность части мигрантов к адаптации, распространение ксенофобных настроений, транслируемых СМИ, способствует обострению социальной напряженности [3, с. 47–48].

Регулирование будущих миграционных потоков во всем мире требует учета региональной специфики. В настоящее время в ряде регионов миграция привела к серьезной перегрузке социальной инфраструктуры, обострению межнациональных отношений. В таких условиях в основу модели интеграции мигрантов в новое общество должна быть положена концепция необходимости всестороннего развития межнациональных и межкультурных отношений между мигрантами и местным населением в районах их совместного проживания при условии сохранения определенной культурно-этнической самобытности приезжих.

На начальном этапе интеграции важно взаимодействие общественных институтов между собой путем развития культурно-бытового обмена, передачи информации друг о друге, развития взаимопомощи. Методы могут быть различными: организация общественных дискурсов, праздничных мероприятий, обучение языкам и культуре, совместное участие в поддержании порядка. Необходимо постепенно перенести центр «тяжести» с этнического самосознания на формирование гражданской и региональной идентичности [6, с. 24–26].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что этнические миграции не только вносят видимые изменения в национальный перечень стран, принимающих мигрантов, но и имеют существенные социально - экономические и этнополитические последствия. Ситуация в этих странах в будущем будет определять тенденции миграционных потоков и их этническую структуру.

Заключение

Миграция – одна из форм реакции людей на социально-экономические, политические, межэтнические изменения в обществе и необходимый фактор стабильности региона. Изучение проблем, обусловленных миграционными процессами, выявляют необходимость разработки миграционной политики в части успешной адаптации и интеграции мигрантов в новое общество во избежание негативных последствий миграции и для успешного завершения этого сложного процесса.

Библиографический список

1. Давыдов В. Н. Миграционная экспансия в ЕС: причины, механизмы, последствия // Вопросы политологии, 2016. – № 1 (21).
2. Ионцев В. А. Международная миграция населения: вызовы глобализации. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 24. – М.: ТЕИС, 2011.
3. Мукомель В. И. Миграционные процессы в ЮФО: грядущие вызовы в контексте проблем миграционной политики// Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. – Ростов-на-Дону. СКАГС, 2008.
4. Нестерчук О. А., Халбаева А. М. Политическое управление миграционными процессами: субъективно-деятельностный подход // PolitBook, 2015. – № 1.
5. Нестерова А. А., Сулова Т. Ф. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению жизнеспособности и адаптации мигрантов: монография. – Дашков и К, 2015.
6. Хухлаев О. Е., Руссита Т. Э. Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития. Сборник тезисов научно-практической конференции 16-17.03.2007. – М.: МГППУ, 2007.

VII. ECOLOGY OF CULTURE AND PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ

И. Б. Шитикова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева,
г. Орел, Россия*

Summary. The author addresses the problem of ecology of culture. Notes the essence of cultural approach in the design, provides examples of regional schools of design. A folk art as a rich source of ethno-cultural traditions is drawn.

Keywords: the ecology of culture; Russian folk art; the preservation of ethno-cultural traditions; design, education.

Окончание эпохи изолированного существования России, установление единого информационного пространства, интеграция мировой экономики, коренная перемена в системе культурных ценностей несут в себе опасность нивелирования этнокультурных особенностей. С другой стороны, интенсивная модернизация среды обитания современного человека, меняющаяся под влиянием новейших технологий, должна быть совмещена с культурной преемственностью образа жизни. В связи с этим, культурологический подход в дизайне, как явлении, порожденном научно-техническим прогрессом и развитием промышленности, проявляется не только в способности к инновациям, но и к воссозданию традиционных ценностей, сохранению и дальнейшему развитию этнической самобытности.

При этом формирование четко выраженного национального лица дизайна в масштабах страны (имидж национальной идентичности) является сейчас залогом успеха на международном рынке. Среди школ дизайна, ориентированных на собственные этнокультурные традиции, выделяют итальянскую, скандинавскую, школы Латинской Америки и Юго-восточной Азии. Среди важнейших задач школ регионального дизайна – создание предметов (одежда, мебель, утварь и т. д.), соответствующих климатическим и природным условиям определенного региона, возрождения традиционных типов формообразования и отношения к материалам. Региональный дизайн – это проектирование изделий, которое в значительной степени определяется образом жизни, художественными и ремесленными традициями какой-либо региональной или этнической группы [2].

Сегодня концепция сохранения этнической самобытности особенно актуальна в проектировании одежды. Костюм, являясь неотъемлемой ча-

стью культуры, представляет собой не только материальную ценность, созданную человеческим трудом, но и отражает мировосприятие народа (этноса).

Начиная с начала XX века, примеров обращения отечественных и зарубежных дизайнеров к русской народной теме достаточно. Однако основная проблема заключается не в разработке коллекций в стиле «а ля рус», не в «народном подражательстве», а в воссоздании национальных образов, соответствующих одновременно и традициям, и новому образу жизни современного человека. То есть важно найти такие актуальные формы существования национального начала в современном костюме, которые будут логичны и значимы для населения XXI века, и отвечающие требованиям соответствия современному укладу жизни, функциональности, эргономичности, красоты и удобства.

Установить такую «связь времен» в объектах дизайнерской деятельности может лишь разносторонне развитая личность с высокой интеллектуальной, эстетической, нравственной, экологической культурой. Отсюда следует, что профессиональная подготовка будущего дизайнера должна осуществляться в целостном учебно-воспитательном процессе, нацеленного, с одной стороны, на развитие умственных и потенциальных возможностей и усвоение систематизированных знаний, умений, навыков, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности, с другой – на формирование культуры, полноценное развитие личности, ее способностей и дарований [3].

В основе профессионального воспитания лежит своеобразный механизм превращения индивидуальных особенностей и задатков в социально ценные профессиональные качества, что позволяет личности творить свой профессиональный облик. В этой связи особую значимость приобретают художественно-эстетический и нравственный компоненты профессионального воспитания дизайнера – специалиста с высоко развитым эстетическим сознанием и эстетически-чувственным восприятием действительности, который при осуществлении переноса собственных эстетических и нравственных идеалов в сферу профессиональной деятельности, воздействует на формирование общественного вкуса и эстетической культуры населения [3].

Тесно связанные между собой художественно-эстетические и нравственные компоненты воспитания разносторонней личности – национальное сознание, любовь к отечеству, возникают, прежде всего, через любовь к среде, в которой живет человек, через понимание ее культурно-исторически сложившихся и преобразующихся во времени традиций. В этой связи обращение к народному искусству – это уникальная возможность найти своё творческое лицо.

Народное искусство, как и народная мудрость «апробированная» веками и сегодня обладает актуальностью, теоретической и практической значимостью и потому должно быть неотъемлемой частью содержания со-

временного дизайн-образования, способствующего раскрытию творческого потенциала личности, формированию ценностных ориентаций и нравственных качеств с последующей их актуализацией в профессиональной деятельности. Оно представляет собой не только полноценный источник для научных исследований в вопросах этнокультуры, но и, как и все русское искусство в целом – это уникальный «вдохновитель» для современного творчества в области декоративно-прикладного искусства и дизайна костюма [1].

Особый вклад за развитие русской культуры в начале XX века принадлежит Надежде Петровне Ламановой – одному из самых талантливых художников-модельеров, создававшей одежды с использованием особенностей русского народного костюма. Она, изучив особенности русской народной одежды, выявляет в них простоту и целесообразность, необходимые в современном бытовом костюме.

Творческое наследие Н. П. Ламановой, является своеобразным эталоном взаимного и целесообразного проникновения национальных традиций в современные модные образы. Современный перспективный дизайнер, ориентированный на созидание нового, должен сохранять и приумножать культуру человечества и богатейшие национальные традиции.

Библиографический список

1. Вагнер Г. К. О природе народного искусства // Народное творчество и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. – М., 1991. С. 32-38.
2. Дизайн. Иллюстративный словарь-справочник/ Г. Б. Минервин, В. Т. Шимко, А. В. Ефимов и др.: Под общей редакцией Г. Б. Минервина и В.Т. Шимко. – М.: «Архитектура-С», 2004, 288с., ил.
3. Торшина И. Б. Формирование профессиональной компетентности будущего дизайнера по костюму: Диссертация на соиск. учёной степени кандидата педагогических наук. – Курск, 2002. – 200 с., ил.

VIII. DEVELOPMENT OF ETHNIC AND PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL EXCHANGE

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БУРЯТСКОГО НАРОДА

И. Д. Перфильева

*Преподаватель,
Иркутский региональный колледж
педагогического образования,
г. Иркутск, Россия*

Summary. The article shows the ways of introducing students to the culture of his people. In the end, have a script for the contest, classroom hours with high school students. All this is intended for teachers of General secondary, professional education.

Keywords: culture; people; ethnos; genealogy; chronicle.

Педагогические реалии современности исторически обусловлены многонациональным составом населения России. Образовательное пространство в школе, колледже характеризуется поликультурным взаимодействием, но с доминированием единых подходов. В организации деятельности обучающихся преобладают мероприятия общего значения.

При этом домашнее воспитание строится на основе традиций своего народа. Эти наиважнейшие ценности дают крепкую корневую устойчивость личности. Заметен интерес ребят к национальному учебному материалу. Педагогические организации уделяют внимание данной теме, однако, есть резервы для развития такой преемственности образования.

Ввиду появления технических средств коммуникации усилилось распространение иностранизмов, влияние других культур. Молодое поколение восприимчиво к этому. Из-за увлечения новым сильнее звучит вопрос сохранения самобытности языка, культуры народа.

Здесь усматривается противоречие между необходимостью соблюдения общих норм образования и потребностью проявления национальных различий обучающихся. От противоречия возникает проблема содействия самореализации их этнической индивидуальности.

В числе способов решения проблемы предлагаем больше индивидуализировать такое содержание учебно-воспитательной работы. К примеру, разработать реферат по культуре своего народа, дать задания для самостоятельного изучения его географии, подготовить концертные номера, включить в репертуар этнокультурные произведения.

В беседах на классном часе полезно рассказать о способах этнического самопознания посредством изучения своего языка, родословия, осо-

бенностей быта, обычаев, ремёсел. Ознакомление с такой информацией возможно по сайтам ассоциаций народов и другим.

Цель работы: способствовать этнокультурному развитию обучающихся. **Задачи:** показать путь познания национальных традиций; содействовать воспитанию любви к малой родине, культуре своего народа; развивать кругозор обучающихся в данном направлении.

Основу работы составляют гуманистическая парадигма образования [1, с. 39–41], культурологический подход [там же], этнокультурные технологии [там же, с. 301–316], этнопедагогика [2, с. 329–330].

Одним из эффективных способов расположения ребят к подобной работе считаем метод примера, здесь – по изучению культуры бурятского народа. Это применимо и в других ситуациях познания. В предлагаемом далее сценарии выступления обучающегося на областном конкурсе «Студент года» (табл. 1) есть ориентиры для педагогического руководства.

В процессе подготовки к мероприятию выяснилось то, что в семье конкурсанта уделяется значительное внимание изучению родословия, сохранению традиций. Данная работа вызвала отклик у зрителей: во время пения а сарелла они тихо и слаженно аплодировали нашему студенту. Результат – II место, областной приз, телеинтервью. Считаем такие выступления важными для всех участников мероприятия.

Таблица 1

Сценарий «Изучение культуры бурятского народа»

<p>Занавес закрыт. Студент (далее – С.) – на сцене в национальном костюме.</p> <p>Однажды ясною порой, когда вокруг час пик, На остановке городской мне встретился старик. Со мной поблизости стоял. Я помню добрый взгляд, Он чем-то очень привлекал, тот дедушка-бурят. Спросил меня: «Который час?», а я как раз спешил, Но разговор пошел у нас, и я притормозил. Случайной встрече очень рад, я слушал, а старик Сказал: «Какой же ты бурят, не знаешь свой язык!» В смущеньи куртку теребя, я шёл домой вот так, Но эта встреча, знаю я, хороший, добрый знак. В желаньи истину познать, о чём сказал старик, Я начал книги изучать и свой родной язык.</p>
<p>С. читает стих на бурятском языке. Занавес открывается. За ним – коллекция из перечисленных в тексте предметов. «Родословная семьи ...» украшена бурятским орнаментом. На экране всё показано в увеличении.</p>

<p>Я вспомнил детство, отчий край, Нукуты – свой район. Шаман – мой дедушка Бахтай, был всем известен он. Я родословную собрал (в ней – прадеды мои!) И в каждой строчке записал историю семьи. Шесть поколений дорогих и близких мне людей! И эту летопись семьи хранит сейчас музей. Я также начал составлять коллекцию свою, По ней культуру изучать особенно люблю! Бурятский домик – юрта, в ней показан древний быт. Она, без всяческих затей уют, тепло хранит. (С. демонстрирует юрту).</p>
<p>В ней – защищенность, простота и мудрости уклад. Смотрю: какая красота! Находке очень рад! А вот фигурки собирать мне было нелегко. (Показывает статуэтки). Пришлось поездить, поискать довольно далеко.</p>
<p>Здесь видим праздничный наряд, а этот – для работ. Костюм красивый у бурят, красив и мой народ! Вот фотографии собрал, их бережно храню. Журналы, атлас отыскал,- всё это так ценю! Энциклопедию купил, и точно говорят, Читая, многое открыл об этносе бурят. Земная даль, степной простор без края и конца, Цветов изысканный ковер и запах чабреца...</p>
<p>(С. исполняет песню на бурятском языке а саpella).</p>
<p>Так интересно узнавать, искать и находить! Стал увлечённо изучать, стараясь сохранить В себе народные черты и дух земли родной. В нем столько яркой красоты, и это всё со мной! (Занавес закрывается).</p>

Работа помогает приобщить ребят к своим истокам, раскрыть их творческий потенциал, увлечь делом. Такие формы деятельности способствуют развитию ценностной культуры личности.

Библиографический список

1. Кукушин В. С. Теория и методика обучения / В. С. Кукушин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 474, [1] с.
2. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.: ил.

РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ

Е. В. Писарева

*Педагог-психолог, учитель,
Школа-интернат № 20 ОАО "РЖД",
г. Омск, Россия*

Summary. Modern schools must lay the foundations of intercultural communication, and this requires the introduction of innovative forms of training and education. The author offers specific innovative forms of learning cross-cultural interaction aimed at the development of ethnic and personal identity.

Keywords: intercultural interaction; ethnic identity; personal identity; innovative forms of training and education.

Современная Россия является многонациональной страной, которая стремительно осваивает многоуровневое пространство международных отношений. Долгосрочный и сложный процесс глобализации межкультурных связей, согласно О. В. Брезгиной, побуждает к необходимости в создании такого образования, в котором будут отражены тенденции, находящиеся во взаимодействии, как с сохранением этнического своеобразия культур, так и непосредственно с процессами глобализации и интеграции. А это предполагается учет культурных и воспитательных интересов разных национальных и этнических групп. И перед современной школой встает задача подготовки учащихся, как будущих специалистов, к культурному, профессиональному и личному взаимодействию с представителями разных стран, т. е. именно школы должна заложить основы межкультурного взаимодействия.

Для осуществления межкультурного взаимодействия необходимо следующее: наличие участников взаимодействия, осознание участниками взаимодействия культурных отличий друг от друга, желание проявлять свою этнокультурную и личностную идентичность; умение правильно предъявлять свою этнокультурную и личностную идентичность. Для этого необходимо, чтобы современная школа создавала условия для межкультурного взаимодействия, что будет способствовать возрождению этнической культуры, сохранению и развитию родного языка, а также возрождению этнокультурных традиций, общечеловеческих ценностей и духовно-нравственному воспитанию школьников. Поэтому введение в образовательный процесс инновационных форм и методов обучения и воспитания, грамотное применение их в урочной и внеурочной деятельности позволит заложить основы межкультурного взаимодействия.

Целесообразно активно подключать к подобной деятельности педагогов, работников школы, детей, родителей. Очень хорошо, если есть возможность участия людей разных национальностей в рамках школы. Методы и приемы, которые могут быть использованы, должны быть направлены на облегчение межкультурного взаимодействия. В нашей школе-интернате ежегодно проводится ряд педагогических событий урочной и внеурочной деятельности, направленные на получение опыта межкультурного взаимодействия воспитанниками интерната. С этой целью, например, были разработаны сценарии педагогических событий с применением инновационных форм обучения: **практикум «Поликультурный вояж «Чайный путь»**, **тренинг межкультурной коммуникации «В гости к древним славянам»**, **инновационный поликультурный классный час «Украинская ветвь славянского древа»**, **праздник дружбы «О Родине с любовью! Родина моя – Казахстан»**, **поликультурный тренинг «Китай и Россия»**. Таким образом, все участники образовательного процесса смогли познакомиться с культурой Древней Руси, России, Украины, Казахстана, Великобритании и Китая. Выбор стран был обусловлен предпочтениями творческой группы (куда входили учителя, работники школы, родители, дети) и особенностями Омской области, ее национальным составом. Далее осуществлялся тщательный подбор музыкального, звукового, цветового, вкусового материала. Данные мероприятия способствовали еще и профилактике употребления вредных веществ, т. е. носили здоровьесберегающий характер. Все воспитанники познакомились не только с особенностями разных культур, но погрузились в атмосферу приятного общения в неформальной обстановке, что привело к снятию коммуникационных барьеров и позволило создать условия для формирования опыта межкультурного взаимодействия. Далее предлагается фрагмент **праздника дружбы «О Родине с любовью! Родина моя – Казахстан»**.

«Ведущие: Ассаламугалейкум құрметті қонақтар, ұстаздар, оқушылар! Здравствуйте, уважаемые гости, дорогие учителя, учащиеся школы! Біз сіздерді Қазақстан арналған мерекесіне қарсы алуға өте қуаныштымыз! Мы рады приветствовать вас на празднике дружбы «О Родине с любовью! Родина моя – Казахстан». По казахской традиции большой праздник начинается с древнего казахского обычая – ШАШУ, что в переводе означает – осыпать гостей золотым дождем. ШАШУ, ШАШУ, ШАШУ. (Обряд ШАШУ).

***Ведущие 1:** Отан – меніңата-анам. Отан – досым, бауырым. Отан – өлкем, астанам. Отан – аудан, аулым. От Южного Урала до Алтая, где расцветает в яблонях земля, лежит страна, от солнца золотая, мой Казахстан – моя земля. Родина – это отец твой и мать. Родина – друг и ровесник под стать. Родина – это твой край и столица. Родина – это аул и станица.*

Ведущие 2: Республикалар – Қазақстан даласы, Ғашықпын саған бабалар жатқан мекенім. Мәңгілік жасар сүйкімді менің қаламсың. Атыңды жайып әлемге ғыпөтемін. Тұғаным-Қазақстан елді мекен, сүйген жоқ, сүйеалмаймын жерді танытқан бар әлемге қазақатын. Туымды асқақта желбіретем! Қазақстан! Ты наполнен любовью и творчеством ста наций мира. Кому родиной стал по велению судьбы! Пусть тебя стороною обходят и распри, и войны. Нас в обиду не дай, в трудный час поддержи!

Ведущие 1: На земле существует много государств. И у каждого государства есть свои главные символы. Наш флаг впитал цвет голубого неба и золото пшеничное полей. Мой Казахстан – земля родного дома, Земля отцов и Родины моей. Парит орел, он празднует свободу, над степью вольно крылья распластал. Наш Казахстан – семья больших народов, за эти годы краше и богаче стал. Но я горжусь не только нашим флагом и гербом Родины – республики моей. На нем два профиля коней, летящих на крыльях к солнцу среди лазоревых степей».

Библиографический список

1. Брезгина, О. В. Исследование и обучение межкультурной коммуникации: мировой и российский опыт // Государство. Право. Экономика. Культура: сб. науч. тр.
2. Курдюкова, Я. В. Подготовка обучающихся к межкультурному взаимодействию. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832,
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742,

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian University
Kuban State Technological University
Kuban State University
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ETHNOCULTURAL IDENTITY AS A STRATEGIC RESOURCE OF CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Materials of the V international scientific conference
on September 28–29, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 2.10.2017.
60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 4.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420773177857,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz